

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	26
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	58
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.....	88
ГЛАВА ПЯТАЯ	118
ГЛАВА ШЕСТАЯ.....	149
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	168
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.....	196
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	220
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	265
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.....	287
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.....	317
ЭПИЛОГ.....	344

*Михаилу Александровичу Шолохову
посвящается*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Мишатка! Сынок!

Егор обнимал сына, слушал его рассказ, как и что происходит на хуторе, и прямо млеял от ощущения, что все плохое — уже позади. Он тут, он рядом с сыном, на родном подворье.

Из этого состояния его вывел щелчок затвора.

— Отпусти мальчонку и поворотись-ка, сынку, как в «Тарасе Бульбе» сказано.

Щелкнул второй затвор, досылая патрон. Надо вставать.

— Мишатка, не бойсь.

Отпустив сына, он медленно распрямился и повернулся к тем двоим, что щелкали затворами.

Да, их двое. Кирилл Шатов, по прозвищу Полтора рубля, его однохуторянин и однопольчанин и незнакомый паренек, только-

только доросший до призывного возраста. Заслуживала в нем внимания только винтовка в руках. Кирилл — лучше такого против себя не иметь.

— А, господин сотник Лоцилин! Каким ветром в наш курень?

— И командир эскадрона Первой конной. А в родной курень — надоело рубить и стрелять, семь лет уже... без передыху.

— Оружие у тебя есть?

— Нет, в реке утопил, и патроны тоже.

— Ну и зря, если ты не врешь и не зарыл ее под приметным дубом. Пошли в Совет! И не вздумай бежать, ты меня знаешь, я не промажу.

Это да, Кирилл редко мазал, как Егор помнил по германской войне.

— Мишатка, я сейчас с дядями пойду, а домой вернусь, как с ними закончу гутарить.

Кирилл за спиной хмыкнул, но ничего не сказал.

— Я ждать буду!

Егор погладил сына по голове и повернулся к выходу со двора. Незваные гости пропустили его вперед и пошли следом. Не доходя десятка шагов до ворот, Егор обернулся — Мишаня смотрел на него, и лицо его кривилось в попытках не заплакать. Он улыбнулся сыну. Махнуть бы рукой, да еще подумают конвоиры, что он на них замахнулся или гранату кинуть собрался... и будет в нем на одну дырку больше. От при-

роды, как говорил один фершал — в нем девять дырок, от немцев — три, от бывших своих еще три, от поляков — одна. Пока хватит.

Хуторской Совет располагался в доме хуторского атамана. Иван Козятин после развала Донской армии в родном хуторе не остался, собрал добро и уехал к родным на Кубань. Во время Вешенского восстания не возвернулся. А позже — кто бы на его месте это сделал при красной власти! Разве что, когда жизнь набрыднет, как Иуде, а самому удавиться что-то мешает. И пойдет он под суд скорый, но не своей рукой.

В хуторском Совете сейчас был только секретарь, парнишка лет семнадцати, которого Егор никак не узнавал. Да, когда он уходил на службу, был этот секретарь сопливой мелюзгой, а сейчас его можно и обвенчать с какой-нибудь девкой. Можно счесть, что «ишшо молодой», а можно и оженить. Батюшка против не будет, если невеста подросла и в недозволенном родстве для венчания не состоит.

Кирилл сказал:

— Колька, давай записывай. Это вот Егор Лоцилин, бывший сотник, бывший повстанец и сума переметная, а можно сказать — перекапти-поле. Все его прыжки из красных в белые и обратно я даже счесть не смогу.

— Ничего, дядя Кирилл, их будет пять. Садитесь, в ногах правды нет.

Секретарь подвинул к себе лист бумаги и начал писать по неисписанной стороне его.

Егор подумал, что на его стороне будет написано про поимку врага Советской власти, а на исписанной уже — про пьяный дебош или потраву скотом посевов, что случились лет пять-десять назад. Во всякое время свои песни.

Паренек написал начало бумаги и стал спрашивать, а Егор отвечать.

— 1893 года рождения, призван в тринадцатом, в 12-й Донской полк.

— Какое хозяйство было у покойного отца? А черт его знает, наверное, среднее, в богатеях не числились, но поесть что было, и бабы голыми не ходили. Хотя выставлять на службу старшего Ивана и потом Егора — тяжело вышло, но как-то справились.

— Образование?

— Ну, как у всех: «Трехзимняя» школа. — У его одноклассников только у некоторых еще и учебная команда. Егора же туда не взяли, за дерзость во взоре и поведении, он тогда еще не обтесался. На хуторе только сын бывшего атамана (не Козьятина, а допрежь него) Василий Хромцов училище закончил и в офицеры вышел.

— Чин в царской армии?

— Подхорунжий.

— Служил ли в белых армиях?

— Да, служил. При атамане Краснове, до развала фронта. Чин — хорунжий, генерал Краснов всех Георгиевских кавалеров на службе повысил. В деникинской армии — сотник.

— А не подъесаул?

— Нет, не производили. Под Новороссийском сдался красным именно сотником, разве что Антон Иванович, за море уплывая, в чине повысил, но о том сообщить забыл.

— В отряде у Лысого?

— Не было там никакого чина, был только сам атаман Лысый и у него порученец, родной племянник, и все остальные, без различия по длине чуба и цвету глаз.

— Оружие есть?

— Нету, винтовку и патроны, а также шашку утопил в реке, чтобы они не выплыли и в руки не дались больше.

— Зачем пришел на хутор?

— К семье. Надоело воевать.

Затем присутствующие ознакомились с содержанием карманов, сумки и патронташа Егора и забрали пузырек с ружейным маслом и небольшой ножик для хозяйственных нужд. Бритву тоже.

Что интересно, деньги ему оставили.

— Вставай, Егор, посидишь пока под замком, сегодня поедут в станицу и тебя отвезут, разбираться.

— Пошли, полчанин!

— Еще нужно спички забрать, чтобы не закурил и не поджег все! — это встрял второй паренек.

— Не знаком ты с Егором, а то знал бы, что он один у нас в сотне не курил, отчего народ и шутил, что будущий святой у нас растет. На что Егор отвечал, что не выйдет из него святого, вино ведь пьет. Ну и по бабам тоже, хоть он этого не говорил, но все знали его историю. Пошли, святой с нашего хутора!

Егора вывели из дома и отвели в баз, в котором сейчас скотины не было. Секретарь открыл подпертые колом ворота. Все зашли внутрь.

— Можно лечь вон на ту соломку,

— А как же до ветру?

— Вот в тот дальний угол.

Секретарь принес глиняный кувшинчик с колодезной водой.

— Поставь, где удобно, потом, может, еще принесу.

Ворота захлопнулись.

Значит, до отправки в станицу? Ладно. Полфунта хлеба есть, значит, сегодня поесть что будет.

Егор прошел к этим охапкам соломы, пристроил свою сумку вроде подушки и устроился. Не заметил, как задремал.

Во сне же он шел по коридору, пока не остановился. Вокруг была кромешная темнота, про

какую говорят: «Хоть глаз выколи». В такой тьме зрячий глаз видит не больше, чем выколотый.

И из тьмы звучал хрипловатый голос:

Мои волосы Богом сосчитаны,
Мои годы кукушка сочла,
Моя слава легла под копытами,
Мою голову сабля снесла...¹

И от негромких слов этих Егор проснулся и взглянул вокруг.

Нет, он один, ничего с ним не происходит. Судя по движению солнечного луча через щелястую стену — прошло немного, может, час или полтора.

Сна уже больше не было. Он полежал, потом встал, обошел баз, оглядел свою темницу. Худая тюрьма, худая. Баз давно никто не чинил, так что можно было даже попробовать и убежать. Шурин его, Митя, из такого сарая сбежал, когда его австрияки полонили. Выглядел он тогда страшно — морду ему при взятии разбили, а руки, которыми он проламывал выход, — еще страшнее, но вырвался.

Что это был за голос? Из будущего, вестимо. На дворе шел 1922 год и совершался поворот истории в некоем направлении. То есть двери открывались, рычаги клацали,

¹ Стихи Ю. Кузнецова.

шестерни зацеплялись — и история менялась. Но, кроме глобальных перемен, происходили и внеплановые изменения. Кто-то попадал в чужие времена, кому-то в голову приходили очень нехарактерные для него идеи и музыка, и стихи звучали, и такие, что до того здесь не слышали. Например, сразу множество народа стало размышлять о космических полетах, освоении Луны и прочего. Ну ладно уж, литераторы вроде Алексея Толстого — для них полет на Луну или Марс в яйцевидном корабле — литературный ход, чтобы рассказать, скажем, о революции. Сам Толстой учился в Политехническом, потому мог и сочинить что-то технически похожее на то, когда ракеты и впрямь туда летать стали. Написал бы про тарелкообразный или мискообразный межпланетный корабль — для романа о революции это не важно. Это будут литературоведы потом говорить: как писатель додумался до «летающей тарелки» за двадцать лет до кошмара Америки? Но ведь были и Кондратюк, и Оберт, и многие другие. С чего они дружно начали про космос писать? К тому времени самолеты уже летать стали, но еще не давали сильно больше 400 километров в час, а о космических скоростях — пока очень-очень рано. Но они трудились. Возможно, в некую дверцу потянул порыв ветра перемен, и творцам досталось немного вдохновения? Если так, то

отчего бы Егору Лощилину не достался кусок стиха, написанного через полвека после его смерти? Раз механизм мироздания от этого прорыва стиха не ускорится и не испортится, то и ладно, поволновался Егор Павлович и будет с него. Не первый раз и не последний. Разве сравнишь это волнение с сабельной рубкой, хоть с австрийским драгуном, хоть с немецким, хоть с рубакой из 33-й дивизии, хоть с польскими уланами? Нет, конечно, щекотка одна, или пиво по сравнению с хлебным вином.

Где-то в два часа пополудни за ним пришли. Один казак и один из иногородних, и обоих Егор не знал и даже раньше не видел. Но явно в деле побывавшие, особенно вот этот казак. Росту в нем два аршина с фуражкой, небось, чтобы девку поцеловать — на плетень залезал, но взгляд у него охотничий, еще до пули находит в тебе сердце или печенку и по следам взгляда прилетит пуля, туда, куда хозяин поглядел и куда решил ее всадить. Так что предупреждать не нужно было, все всё правильно друг про друга поняли.

«Я о тебе наслышан, поэтому буду начеку».

«Я тебя вижу и даже шутить поостерегусь».